

ПОХОДЫ БЕНЕДИКТА СПИНОЗЫ

Алексей Корепанов

АВАЛОН

Книга Э

«Авалон» — третья книга цикла «Походы Бенедикта Спинозы».

Экипаж супертанка серии «Мамонт» получает новое задание — на этот раз Дарий и Тангейзер направляются на планету Тиндалия, в Долину могил. И откуда им было знать, что ждет их в одном из древних подземелий?

Следователь Шерлок Тумберг тоже понятия не имел о том, чем обернется для него долгожданный отпуск. Вместо рыбалки ему пришлось вновь заниматься тем, от чего он хотел отдохнуть.

А вот древние маги Аллатон и Хорригор совершенно точно знали, с какой целью встретились и куда им нужно отправиться для того, чтобы пробудить от многолетнего сна Изандорру Тронколен — бывшую Небесную Охотницу.

Все они стали невольными скитальцами, и если бы не Бенедикт Спиноза, финал мог бы получиться совсем другим.

Походы Бенедикта Спинозы:

Прорыв

Можай

Авалон

Грендель

Алексей Корепанов

Книга третья. Авалон

*«Прячьте стички от
детей!»*

**Из
предупреждающих
надписей Темных
веков.**

Пролог

Когда солнечные лучи добрались до поляны, что зеленела неподалеку от входа в пещеру, Родрагил расстелил на траве чистое белое полотно. Поставил по углам тяжелые чурбачки, чтобы ветер не тревожил ткань, и принялся раскладывать на ней коренья багалуса. Старый ведун собрал их, действуя так же, как и в прошлые годы, — этому научил его когда-то отец. Дождался самой короткой ночи, совершил омовение в ручье, призвал на помощь покровителей рода и босиком, возложив на седую голову венки из стеблей цикеры, направился к лесному оврагу. Там, в окружении кустов, среди влажного мха, и рос балагус — верное средство от многих хворей. Собирать его нужно было при свете

обеих лун, и счастье, если ночь выдавалась ясной, иначе балагус терял немало своей живительной силы. Прошедшая ночь именно такой и оказалась, порадовав Родрагила. Теперь коренья нужно было просушить на солнце, а потом мелко порубить... Растолочь... Отварить... И браться за другие лекарственные растения. Забот хватало на все лето, да и осенью их будет не меньше. Такова уж доля ведуна, ее не выбирают, и по этой дороге нужно идти, никуда не сворачивая, и делать свое дело, независимо от того, что творится вокруг.

А вокруг творилось неладное. Из-за лесов шла молва о том, что чужаки, полчищами явившиеся с заката, устанавливают в городах и селениях свои порядки, запрещают исконных богов, заставляют поклоняться зловещему черному диску с тремя рогами. Чернорогие... Откуда они взялись, из каких краев? Нагрянули, прошли темной волной через мирные земли, уничтожая тех, кто пытался сопротивляться, — и где, у кого теперь искать защиты? Оставалось надеяться лишь на то, что не сунутся они в дремучие леса, подступавшие к горному хребту, и беда пройдет стороной.

Родрагил длинно вздохнул и продолжил выкладывать коренья из мешка под утреннее, еще нежаркое солнце, едва поднявшееся над лесом. Но закончить свое занятие не успел. До чуткого слуха ведуна донесся приближающийся топот, и на

лесной тропинке, что вела от селения к пещере Родрагила, показалась невысокая тонкая фигурка. Босоногий вихрастый подросток, в одних заплатах до колен, мчался так, словно за ним гнались болотные хохотуны, и у ведуна сжалось сердце от нехорошего предчувствия. Этого белявого парнишку, сына кузнеца Полташа Криворота, старый знахарь выходил позапрошлым летом после укуса пятнистой змеи, и малец не забывал дорогу к пещере, скрытой в отроге. Да и не только он не забывал — чуть ли не каждый день навещал Родрагила кто-нибудь из сельчан. Шли со своими немочами, приносили еду, хотели услышать совет... Но, судя по перепуганному лицу Полташонка, бежал он сюда с какой-то другой целью.

Ведун выпрямился и настороженно ждал, когда мальчонка приблизится. Тот промчался через поляну, подскочил к Родрагилу и, захлебываясь собственным быстрым дыханием, выговорил в несколько приемов:

— Ведун... меня батя послал... предупредить... К нам идут чернорогие!.. Много!..

Это были именно те слова, которые боялся услышать Родрагил.

Чужаки подступают к селению. И, конечно же, они заметят тропку, уходящую к горам. И, конечно же, они знают, что в стороне от местных

селений живут ведуны — те, кто не только лечат односельчан, но и являются служителями богов. Истинных богов, а не мрачного рогатого диска, под которым эти пришлые вторгаются в иные земли.

Полташенок умчался назад, а ведун принялся действовать. Собрал коренья обратно в мешок и вместе с полотном унес в пещеру. Побросал в яму чурбачки. Расшатал и вытащил из земли деревянных богов, стоявших на берегу ручья. Одного за другим отволол их в густой кустарник на склоне, сложил там, присыпал прошлогодней листвой. Вновь зашел в пещеру, быстро собрал заплечный мешок. Кроме еды, взял отцовский камешек-амулет и огниво, заткнул за пояс нож и топорик, накинул плащ — завернувшись в него, можно будет спать на земле. Шагнул к куче сена и сухой коры, наваленной в нише, которую создала в каменной стене природа, порылся там. И извлек серый цилиндрический сосуд с руку толщиной, а высотой в две трети локтя. Его когда-то принес из Гиблого места, затерянного среди болот, отец Родрагила и строго-настрого запретил сыну ходить туда. Мол, есть там путь в иные края, но эти края не для смертных. И Родрагил никогда не смел и думать о том, чтобы нарушить запрет — иначе не было бы покоя отцу в мире ушедших...

Ведун с усилием отвинтил плоскую крышку, подошел к грубо сколоченному столу, где уже была

приготовлена маленькая фляжка с притертой пробкой. Тонкая тягучая коричневая струйка полилась из цилиндра, и по пещере поплыл сладковатый запах, похожий на аромат каких-то нездешних цветов. Родрагил сунул фляжку в заплечный мешок, до упора закрутил крышку цилиндра и оглядел свое жилище. Хотя сквозь вход в пещеру проникал утренний свет, дальняя ее часть терялась в полумраке. Высотой эта полость в каменной толще раз в шесть-семь превосходила рост ведуна, а в длину тянулась шагов на пятьдесят, постепенно сужаясь со всех сторон, подобно конусу. Стены ее были изрезаны трещинами, кое-где виднелись углубления — некоторые служили Родрагилу кладовками. Старый ведун осторожно поставил цилиндрический сосуд возле одной из трещин и немного побродил по пещере, подбирая подходящий камень. Вернулся к трещине, засунул туда цилиндр — насколько хватило руки, — и обухом топора загнал туда же каменный обломок. Теперь вряд ли кто-то догадается, что за камнем находится полость с сосудом. Ведун отступил от стены и немного постоял, разглядывая тайник. Потом торопливо, но четко и безошибочно совершил ритуал запечатывания. Удовлетворенно кивнул и, забрав мешок, покинул пещеру.

В небе не было ни облачка, вокруг стояла тишина, и только изредка вскрикивала в лесу

кикинка. Как гласило поверье, ее «ки-и... ки-и...» позволяло охотникам определить, сколько тилинтилек попадет в силки — и бывали случаи, что кикинка не ошибалась. Сам Родрагил считал это простым совпадением, но свое мнение никому не навязывал. Пусть верят, если хотят — вреда от такой веры никакого. Вскинув мешок на плечи, ведун посмотрел на поросший лесом горный склон, который вел, казалось, прямо в небеса. Там, в горах, и придется ему жить какое-то время. Родрагил очень надеялся на то, что чернорогие не задержатся в селении. И еще он страстно желал, чтобы истинные боги проявили себя и превратили в пыль чужой черный диск с тремя рогами...

Ведун не успел далеко уйти от своего жилища. Когда он, цепляясь руками за покрытые жестким мхом каменные глыбы, начал подниматься по крутому склону, прилетевшая из леса стрела вонзилась в мешок за спиной. А вторая, метнувшись вслед за первой, пробила затылок, и наконечник ее вылез из левого глаза ведуна. Родрагил упал лицом на камни и уже не видел, как на поляну перед пещерой выезжают усатые всадники в длинных темных халатах...

Глава 1. Покой нам только снится...

Где-то есть город,
тихий, как сон,
Пылью тягучей по
грудь занесен...

**Из песни Темных
веков.**

Космическая яхта «Изумруд», совершившая посадку в столичном космопорте планеты Тиндалия, не стала объектом чьего-либо особого внимания. Хотя и была она изящной, но далеко не последней модели, и ее обшивка давно потеряла свой изумрудный цвет под воздействием космического излучения. С борта яхты сошли двое широкоплечих бородатых мужчин — один повыше, другой пониже — и совсем невысокая крепенькая женщина с круглым лицом и короткими темными волосами. На всех троих были обычные полетные комбинезоны стального цвета и такие же неброские ходунцы. И возраст у них был примерно одинаковый — где-то за сорок, расцвет второй молодости, когда многое уже позади, но впереди гораздо больше. Если, конечно, ты не любитель экстремальных развлечений из числа недозволенных, каковые практиковались в некоторых местах Межзвездного Союза. И в цели их посещения Тиндалии не было ничего

экстраординарного: туризм. Именно такое пояснение получила регистрационная служба космопорта, когда яхта, вынырнув из Дыры, приблизилась к планете.

По количеству достопримечательностей Тиндалия вряд ли могла претендовать на место в первой десятке, но и там было что посетить и на что посмотреть. В отличие от многих других миров Межзвездного Союза, где начало цивилизации положили колонисты с Земли, у Тиндалии была своя собственная история. Еще задолго до начала Экспансии тут существовали целые империи, достигшие довольно высокого уровня развития. Правда, потом все скатилось к бесконечным войнам и раздробленности, и к моменту прибытия первых земных разведчиков многочисленные народы Тиндалии владели жалкое существование, сохранив только обрывки воспоминаний об эпохе расцвета. В Высшем Совете Межзвездного Союза велись долгие и яростные дебаты по поводу того, стоит ли принимать планету в галактическое сообщество и с кем, собственно, заключать такое соглашение. И все-таки возобладало мнение, что этот мир нельзя бросать на произвол судьбы.

Возможно, были на Тиндалии памятники культуры и похлеще троглонийского Небесного города или Долины статуй на Понтингаме, но о них никто не знал. У здешней археологической службы

не хватало средств для организации долговременных экспедиций в разные интересные места, а союзное Управление археологии было загружено работой на других планетах. Нет, Тиндалия вовсе не являлась непаханным полем — местные ученые старались как могли, им помогали студенты тиндалийских университетов, благо там было что исследовать. Но многие археологические памятники все еще оставались в забвении. Тиндалия не составляла исключения — точно так же обстояли дела и на других планетах с давней историей. Она просто ждала своей очереди, постоянно пребывая в планах союзного Управления. И, как это повелось еще с Темных веков, там, куда не дотягивались руки официальных структур, появлялись предприимчивые личности, нацеленные не на изучение материальных свидетельств древних цивилизаций, а на пополнение собственного кармана. «Черные археологи» орудовали на разных планетах, отнюдь не заботясь о сохранении культурных слоев и целостности археологических объектов. Не зря еще в старые времена таких типов называли расхитителями гробниц. То и дело на рынках появлялись нигде не зарегистрированные предметы древних культур, а значительная часть подобных артефактов вообще нигде не «засвечивалась», попадая прямиком в частные коллекции.

Разумеется, с незаконной деятельностью «черных археологов» боролись, но результаты этой борьбы оставляли желать лучшего. Много лучшего.

«Черные археологи»... Троица, прилетевшая на космической яхте «Изумруд», была из их числа. Юрри Урбант и супруги Слав и Инира Боровей. За их спинами остался не один десяток планет, через их руки прошло множество старинных вещей, и можно было бы уже остановиться и преспокойно жить на вырученные от сбыта антиквариата деньги, но... Но просто им очень нравилось это занятие. Именно эти трое в свое время откопали на планете Мхитар некое колечко, впоследствии оказавшееся в руках Станиса Дасая. То самое, с помощью которого глава пандигиев Аллатон сумел разблокировать систему Можая.

Покинув яхту, троица осталась на летном поле дожидаться прибытия портового грузового самохода. Процесс перемещения контейнера из трюма «Изумруда» на платформу грузовика занял несколько минут, и расхитители гробниц, устроившись на той же платформе, отправились на досмотр. А потом контейнер был перегружен в заранее арендованный мобиль, и тот взмыл в пасмурное осеннее небо.

Разумеется, портовый контролер обнаружил в контейнере, кроме палатки, удочек, пакетов с продуктами, котелков, ложек и прочего, и три

сканера, но никак на это не отреагировал. Юрри Урбант еще неделю назад известил его о прибытии, и тогда же банковская карта контролера была изрядно пополнена.

Столицу Тиндалии трио псевдотуристов посещать не стало. Мобиль сразу отправился на юг, через полконтинента, на омываемый водами двух морей обширный полуостров, который местные именовали Ватридой. Группа Урбанта летела не наугад, а имея точное представление о конечном пункте своего маршрута. В отличие от экспедиции на Мхитар, причиной которой послужило короткое сообщение в массмедиа о развалинах, открывшихся в результате землетрясения, эта вылазка была связана с иным источником. А именно, со служебным бюллетенем союзного Управления археологии — триоца Урбанта имела информаторов, услуги которых оплачивались более чем щедро. Доходы от продажи уникальных древних вещей были таковы, что никто из пособников расхитителей гробниц не чувствовал себя обиженным.

Статья, опубликованная в закрытом ведомственном бюллетене, касалась так называемого «ксифского горжета» — золотого нагрудного знака правителей Ксифии. Это государство в древние времена существовало на территории полуострова Ватрида и прилегающих к

нему землях. Нашли горжет в кургане, насыпанном над могилой одного из местных государей, в первые годы после присоединения Тиндалии к Межзвездному Союзу. Причем сделали это не профессиональные археологи, а геологоразведчики. Курган находился вне территории полуострова, в двух десятках километров от перешейка, соединяющего Ватриду с материком. Ввиду особой ценности находки, ее переправили на Землю, в столичный Музей истории миров, и с тех пор ксифский горжет постоянно находился в Лисавете. Разумеется, его объемное изображение было размещено на множестве сайтов, и любой желающий мог вдоволь налюбоваться этой уникальной вещью и изучить ее во всех подробностях.

Горжет состоял из четырех проволочных дугообразных жгутов. Эти вогнутые вниз жгуты были расположены один под другим. Пространство между ними заполняли золотые фигурки и пластинки с рельефными изображениями и символами. В основном, это были разные сценки из обыденной жизни ксифов, выполненные с большим мастерством. Особенно привлекали внимание помещенные в центре верхнего ряда статуэтки двух обнаженных по пояс бородатых мужчин, занятых починкой накидки из шерсти петлаши. (Петлашами называли местных парнокопытных

млекопитающих, похожих на земных овец.) Накидка же своими очертаниями весьма походила на полуостров Ватрида.

Многолетнее тщательное изучение автором статьи в бюллетене письменных источников по истории Ксифии, сохранившихся на Тиндалии, позволило ему выдвинуть интересное предположение. Основываясь на том, что в Ксифии существовала традиция двоевластия, он заявил, что мужчины на горжете — это правители ксифов, а в руках у них «золотое руно», символ обильного золотом государства. Один правитель указывает рукой на портовый город Апонель — центр внешней торговли ксифов, а другой что-то прикрывает ладонью на руне. А поскольку источники свидетельствовали о том, что где-то неподалеку от южного побережья Ватриды, в «Долине могил предков-основателей», спрятано священное золото ксифов, то именно это место находится под ладонью соправителя. И недаром под протянутой к руно рукой второго правителя сидит мифическое существо со звериным телом и птичьими крыльями и головой. Это существо, именуемое в источниках рингофом, издревле считалось стражем золота. Автор статьи предлагал союзному Управлению археологии подкорректировать планы и организовать экспедицию на Ватриду. Такая экспедиция не

потребуется особых затрат, утверждал он, поскольку место известно с точностью до двух-трех километров. Правда, он скромно умалчивал о том, что «Долина могил предков-основателей» могла быть разграблена еще в незапамятные времена.

Юрри Урбант и чета Боровей прекрасно это понимали, но тем не менее сочли информацию осведомителя достойной самого пристального внимания. И стали искать сведения о тиндалийском полуострове Ватриде. Искать долго не пришлось — все данные были размещены на сайте правительства планеты Тиндалия. Времена расцвета Ватриды остались в далеком прошлом, и ныне полуостров представлял собой безлюдную территорию, почти сплошь заросшую лесами. Правительство Тиндалии, видимо, считало, что никакой пользы экономике планеты полуостров принести не может, и уделяло ему внимания не больше, чем каким-нибудь приполярным областям. То есть не уделяло совсем. Долина могил, судя по спутниковой карте, располагалась между лесистыми горами и тоже была покрыта лесом. На увеличенных изображениях отдельных ее участков просматривались остатки каменных стен, одинокие колонны и небольшие ступенчатые пирамиды с плоскими вершинами. Пожалуй, единственным более-менее пригодным местом для посадки воздушного транспорта был усеянный камнями

участок на восточном склоне горы, в двух с лишним километрах от входа в долину. А большего группе Юрри Урбанта и не требовалось.

...Далеко внизу, под мобилем, во все стороны простиралась равнина, и с каждым мгновением все ближе становился полуостров Ватрида.

— Мне в последнее время все чаще приходит в голову одно и то же, — сказала Инира Боровей, задумчиво созерцая пейзаж сквозь прозрачную изнутри боковину мобиля.

Юрри Урбант обернулся к ней с переднего сиденья, хмыкнул и пригладил черную с проседью бороду.

— И что же это за навязчивая идея? Только не говори, что подумываешь о самостоятельном бизнесе.

Инира бросила взгляд на мужа — Слав дремал в кресле у противоположной стенки мобиля — и ответила с серьезным видом:

— Нет, не об этом. Жилка такая у меня отсутствует. Тут другое. Послушай, Юрри, что нам мешает работать официально, от союзного Управления археологии? Без этого вечного риска...

— Замечательная идея, Ини, — с ироничным видом кивнул Урбант. — Крайне перспективная и плодотворная. Сдавать всю добычу и взамен получать благодарности. Ах да, забыл: и, конечно же, зарплату! Естественно, с вычетом налогов.

Роскошная будет жизнь, ничего не скажешь! Бутылка пива в выходной и пешая прогулка на ближайший городской пляж. Ну, и посещение всех распродаж.

— Зато без риска, — упрямо повторила Инира. — В тюрьме деньги будут ни к чему, там все бесплатно.

— Какая тюрьма? — вскинулся Юрри. — Что ты мелешь, Ини, три хвоста кабранга мне в глотку?! Съела что-то несвежее?

Инира сжала губы и промолчала, а открывший глаза Слав Боровей негромко произнес:

— Ребенка ей хочется. И дома с ним сидеть.

— Ну-у, тогда конечно... — не сразу протянул Урбант. — Так бы и сказала. А то: «работать официально»... Тут уж о работе речь не идет.

Инира продолжала молчать, а Слав хмуро грыз ноготь. Урбант подергал себя за бороду, окинул небо рассеянным взглядом и сказал в пространство:

— Вот так и распадаются сплоченные трудовые коллективы. Кому-то хочется работать поменьше, а получать побольше, кому-то хочется иметь ребенка... Что ж, каждый волен поступать так, как считает нужным. Никогда никого не уговаривал и уговаривать не собираюсь. Может, тебе лучше вернуться на яхту, Ини?

— Я не сворачиваю на полпути, — сдвинув брови, отозвалась женщина.

— А зачем нужно было затевать этот разговор? — вновь повернулся к ней Урбант.

— Мне кажется, что нам помешают.

— Пять хвостов кабранга, ей кажется... — проворчал Юрри. — А мне вот кажется, что золото ксифов будет у нас в руках. Если постараемся. Некому здесь нам мешать. Не-ко-му — понятно?

Дарий Силва вышел из служебного здания космопорта и зашагал к стоянке мобилей. Пока командир занимался оргвопросами, Тангейзер Диони вывел супертанк из трюма транспортника и перегнал боевую машину туда, припарковав около ограды. Мобили, приткнувшиеся поблизости, выглядели букашками по сравнению с розовым бронеходом.

— Смотри, не лопни, — сказал Дарий, входя в башню танка.

Тангейзер торопливо отправил в рот остаток бутерброда и вместе с креслом развернулся к командиру.

— Да это я так... для тренировки. Чтобы форму не потерять.

— Хорошая тренировка. — Дарий уселся на свое место перед панелью управления. — Да не торопись ты, а то подавишься.

— Угу, — кивнул постлейтенант, усиленно работая челюстями.

А супертанк продекламировал мягким баритоном:

Мы прилетели на
Тиндалию —
И что же будем
делать далее?

Такая уж отличительная черточка — временами изъясняться в стихотворной форме — была у боевой машины серии «Мамонт», сделанной челябскими рабочими с планеты Уралия.

— А то ты не знаешь, — усмехнулся Дарий. — Будем выполнять поставленную задачу.

— Это он просто хотел показать, что не разучился рифмовать, — заметил Тангейзер, стряхивая с коленей крошки. — Я угадал, Бенья?

— Угадал, — подтвердил танк, наименовавший себя Бенедиктом Спинозой. — А ты тоже делаешь определенные успехи. Хотя сочетание «показать — рифмовать» на поэтический шедевр явно не тянет.

— Да у меня просто случайно получилось, Бенья! — возмущенно воскликнул Тангейзер. — Я вовсе не хотел показать, что умею рифмо... э-э... что умею в рифму говорить.

— Отнюдь! — не согласился Спиноза. — Это явно сказывается общение со мной...

— И в дождь, и в снег, и в зной, — вклинился Дарий. — Хватит трепаться. Бенедикт, вперед!

— Понял, бронеход? — подхватил Тангейзер.

— Слушаюсь, Дар, — отреагировал супертанк. — Вы оба меня радуете своими поэтическими способностями.

— Главное — чтобы ты нас не огорчал, Бенедикт, — произнес Дарий, подчеркнув это «ты».

Розовая длинноствольная громадина с широченными гусеницами словно нехотя поднялась в воздух над стоянкой и, распугивая своим грозным видом окрестных собак, полетела над пустошью в противоположную сторону от столицы. Полноценным полетом передвижение Спинозы назвать было все-таки нельзя — бронеход совершал затяжные, длиной в несколько километров, прыжки по довольно пологой траектории. Хотя при необходимости мог взлететь и повыше.

Танковый экипаж вооруженных сил планеты Флоризея в составе подкапитана Силвы и постлейтенанта Диони прибыл на Тиндалию не для того, чтобы участвовать в учениях или проводить какие-то боевые операции. Да и вообще, оба офицера отдельного танкового батальона в последнее время отдалились от жизни этого воинского подразделения. Два месяца тому назад их

вместе с танком отдали в аренду Службе дальней разведки. А та отправила танкистов на край Галактики, на планету Можай, для установления контакта с представителями одной древней цивилизации. Эта первая вылазка могла стать для Дария и Тангейзера и последней, но судьба оказалась к ним благосклонной¹.

Вернувшись из экспедиции, танкисты рассчитывали на продолжение сотрудничества с Дальразведкой, но с этим пока не складывалось. Свободных территорий, пригодных для проживания, в Межзвездном Союзе хватало, заинтересованности в поисках новых миров у союзного правительства не было, и финансировалась СДР очень скудно. А потому и планы у нее были весьма скромные. Дарию и Тангейзеру страшно не хотелось вновь погружаться в унылые батальонные будни, и для них все-таки нашли более-менее приличное занятие. Точнее, не для них даже, а для супертанка — ведь использовать уникальную машину для разгона футбольных фанатов (чем танкисты, в основном, и занимались на Флоризее) это все равно что колоть орехи мультиуровневым квантогратором. Который,

---

¹ Эти события описаны в романе «Можай». (Здесь и далее — примечания автора.)

как известно, предназначен совсем для другого. Прошло не так уж много времени после возвращения в батальон, как экипаж вместе с танком опять отдали в аренду — теперь уже союзному Управлению археологии. Исследователи исторического прошлого намеревались покопаться на Тиндалии — оказалось, что очередь до нее все-таки дошла. Объектом своего внимания Управление избрало удаленный от цивилизации полуостров с довольно сложным рельефом, да еще и поросший вековыми дремучими лесами. В общем, ту самую Ватриду, куда всего лишь за несколько часов до прибытия на Тиндалию супертанка отправилась группа Юрри Урбанта. Танкистам предстояло произвести расчистку территории исторического памятника «Долина могил предков-основателей», чтобы потом там могли приступить к работе ученые. Кроме того, они должны были отснять видеоматериал, который позволил бы археологам получить как можно более полное представление об объектах предстоящего исследования. Вместо ракет и снарядов танк загрузили автоматическим оборудованием для лесоразработок. Экипажу оставили комбинезоны дальразведчиков, менявшие цвет в зависимости от окружающей обстановки, а скорострелы заменили парализаторами. Чтобы не губить зверей, если те вдруг захотят попробовать танкистов на вкус. Ну, и

кое-какое вооружение с танка все-таки не сняли — мало ли какие ситуации могли возникнуть...

Конечно, это задание было не совсем таким, как хотелось бы Дарию и Тангейзеру, но все же в нем была своя прелесть. У них появилась возможность в буквальном смысле прикоснуться к древности, увидеть следы прошлого, побродить среди обломков цивилизации ксифов, которые были отнюдь не самым малозначащим народом седых времен. Причем сделать это первыми. А вдруг в «городе мертвых» им на глаза попадется такое, что весь мир восхищенно ахнет? И будет этот раритет стоять или лежать в лисаветском Музее истории миров, и посетители непременно прочитают надпись на табличке: обнаружен, мол, Дарием Силвой и Тангейзером Диони. Такая перспектива не могла не радовать танкистов. Поэтому они отправились в полет к Тиндалии в хорошем настроении. Особенно Тангейзер, который провел часть недавнего отпуска в гостях у милой девушки Ули Люмы — на планете Лабея, на Южных островах. А вот Дарий провел отпуск без не менее милой девушки Эннабел Дикинсон — на Земле, совершив плавание на лодке по реке Волге.

И вот теперь, когда командир экипажа оформил все документы, супертанк двинулся на юг от столицы Тиндалии, на земли древней Ксифии. Набрякшие сизые тучи постепенно сменились

легкими белыми облаками, а потом исчезли и облака. И в небе остался лишь оседающий к горизонту диск местного светила. Еще задолго до вечера танк долетел до перешейка, и внизу поплыли леса и горы полуострова Ватриды. Координаты Долины могил Спинозе были известны, и танкистам оставалось только любоваться видами дикой природы на обзорном экране.

— Красотища... — восхищенно протянул Тангейзер, подняв брови, отчего лицо его стало совсем мальчишеским. Хотя постлейтенанту Диони, как и Силве, не так уж много оставалось до тридцатника. — Я давно заметил вот такую штуку: все искусственное и в подметки не годится естественному... Ну, по внешнему виду. Уж не знаю, мастер ли какой-то все это сотворил или оно само собой образовалось, но на что вокруг ни посмотри — просто петь хочется.

Дарий покосился на него, однако промолчал. Ему не хотелось заводить отвлеченные разговоры. А вот Спиноза молчать не стал.

— Ты слишком категоричен, Тан, — мягко сказал он. — Отнюдь не все искусственное хуже естественного. Отнюдь. А ведь есть просто — не побоюсь этого слова! — просто восхитительные искусственные объекты, которые заткнут за пояс любую естественную диковинку, и нет им никаких аналогов в природе. Кстати, за примерами далеко

ходить не надо, они совсем рядом.

— Намек понял, — сверкнул белозубой улыбкой Тангейзер. — Согласен, ты у нас, Беня, явление уникальное. Во всяком случае, в пределах Союза. Но как знать, может быть, где-то в другой галактике такие супертанки кишмя кишат, как рыба в пруду, не протолкнешься. И все поголовно стихи друг другу читают.

— И танкистов, которые строят из себя философов, там тоже полным-полно, — с холодком заметил Спиноза. — Может быть. И все поголовно ведут высокоученые споры о том, что важнее: конец начала или начало конца.

— И именно эти танкисты-философы и придумали танки...

— ...которые сами стали философами и решили обойтись без танкистов!

— А вот вам и искусственное среди естественного, — кивнув на экран, прервал наметившуюся пикировку Дарий.

На залитой солнцем каменистой осыпи, длинным языком разлегшейся на склоне горы, косо стоял мобиль. И цветом своим, и формой он походил на морковку, только кончик у этой морковки был не острый, а округлый. А из-за высоких каменных глыб в десятке метров от него поднималась в небо белесая струйка дыма — вероятно, там развели костер.

— И кого это могло занести в такую даль? — удивился Тангейзер.

— А главное: зачем? — многозначительно добавил Спиноза.

— Вот сейчас и узнаем, — деловито сказал Дарий. — Бенедикт, садись вплоты к этому шарабану, если впишешься.

— Слушаюсь, Дар. Впишусь, еще и место останется.

Танк начал снижаться, взяв курс на осыпь, и тут из зеленой лесной массы, заполнившей пространство между склонами гор, вылетела птица с широченными крыльями. Их размах составлял никак не меньше пяти метров. Столь же впечатляющим был метровый клюв на плоской голове, торчащий подобно стволу танкового орудия. На габаритном, похожем на звериное, теле переливались багрянцем и золотом редкие перья под цвет крыльев, а сзади извивался в воздухе тонкий, совсем не птичий хвост. Если бы танкисты видели ксифский горжет, то нашли бы сходство этого летающего зверя с рингофом — стражем золотых запасов. Конечно, размерами это существо значительно уступало супертанку, но, постепенно разгоняясь, явно летело ему наперехват.

— Карабарас, ничего себе! — воскликнул Тангейзер.

— Стрелять-попадать, ну и птичка... —

пробормотал Дарий, не сводя глаз с экрана. — Как в сказке... И смелая же, однако. Может, это беспилотник?

— Откуда тут беспилотники? — возразил Тангейзер. — Просто глупая. Или не встречалась с достойными противниками, вот и прет. Думает, раз здоровенная, так все позволено.

— Руолийские драконы покрупнее будут, — заметил Спиноза, обладающий обширнейшей базой данных. — Мою защиту она не проломит...

— Но нам на головы, когда мы сядем, нагадить может вполне, — сказал Дарий. — Пугни-ка ее пневматикой, Бенедикт. Только не сильную воздушную волну гони, чтобы птичка не грохнулась, чего доброго. Фауну беречь нужно, тем более — такую.

— Тогда лучше ультразвуком, — предложил танк, продолжая приближаться к склону. — Без удара.

— Давай, Бенедикт, — согласился Дарий.

Средство Спинозы подействовало: птицезверь словно уткнулся клювом в невидимую стену, его необъятные крылья обвисли, и он камнем полетел вниз. Но быстро опомнился, замахал крыльями с удвоенной частотой и сумел выровняться над самыми кронами. Оглянулся, сверкнув круглыми глазами, вертикально рассек воздух змеиным хвостом — и канул в зелень.

— Порядок, — удовлетворенно кивнул Дарий. Тангейзер повернулся к нему.

— Когда пойдем местную старину изучать, надо будет иметь в виду, что здесь такие птички водятся. А то рухнет сверху и унесет.

— Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях, — по тону Спинозы можно было предположить, что это какая-то цитата. — Не беспокойся, Тан, за небом присмотрят мои воздушные разведчики.

Бронеход завис над осыпью и медленно опустился бок о бок с оранжевым мобилем. А прежде чем это произошло, из-за камней выскочили люди в обычных серых комбинезонах — двое бородатых мужчин и невысокая женщина. Остановившись поодаль, они во все глаза смотрели на грозную боевую машину и, судя по их лицам, не знали, что и думать. Стычки со сказочной птицей они не видели — эту сценку от них закрыли камни, а о приближении танка им сообщил гул двигателя.

— Кажется, мы их напугали, — сказал Дарий и встал с кресла. — Пойдем, Тан, пообщаемся.

Он первым выбрался из люка и предстал перед замершей троицей. Тангейзер остановился рядом с командиром, пригладил отросшие за отпуск волосы.

— Здравствуйте, — приветственно поднял руку Силва. — Мы из союзного Управления

археологии.

— Здравствуйте, — с заминкой произнес хрипловатым голосом высокий широкоплечий бородач, на лице которого успел смениться целый спектр чувств. — А мы... туристы. — Он откашлялся и добавил: — Отдыхаем мы тут. Вернее, не тут, а там, — он ткнул большим пальцем себе за спину. — У моря. Просто еще не долетели, решили перекусить на природе.

— На природе — это хорошо, — понимающе кивнул Дарий. — С костерочком, с дымком... Так вкуснее, однозначно.

— Ага... — высокий бородач раздвинул губы в осторожной улыбке. — А то всё кабинет, как говорится, кабинет, понимаешь...

Женщина, словно окаменев, продолжала смотреть на танк. Наверное, впервые видела такое чудо-юдо. И выглядела она какой-то обреченной, будто попавший в окружение инсургент.

— А давайте к нам! — встрепенулся второй бородатый турист и повел головой в сторону невидимого за глыбами костра. — Пока горячее...

Тангейзер шумно сглотнул и причмокнул, а Дарий шагнул вперед и добродушно развел руками.

— Ну, грех отказываться от такого приглашения. — Он обернулся к подчиненному: — Давай, Тан, тащи и наш провиант, на твое усмотрение. И в достаточном количестве.

...Разговор у костра, за горячим супчиком да всяким-разным, был неторопливым и ни в какие философские дебри не сворачивал. По словам туристов, они были сослуживцами, и каждый отпуск предпочитали проводить подальше от дома, в необжитых местах, где, как говорится, не ступала нога сапиенса. В этот раз они выбрали тиндалийский полуостров Ватриду. Силва же заявил, что их представления об этой местности неверны, и нога сапиенса тут уже ступала. Правда, очень давно. Материальные свидетельства существования здесь древней цивилизации, сказал он, находятся совсем неподалеку отсюда. И с завтрашнего утра начнется их фиксация. Туристы особого интереса к этому сообщению не проявили — они хотели еще до вечера попасть на побережье и насладиться проведенной у моря ночью. «Отрешение от всех забот и всепоглощающее общение с природой», — так сформулировал высокий бородач принципы поведения троицы в отпуске. Танкисты предупредили любителей тихих уголков об обитании в здешних местах крупного птицевера, неизвестно на что способного. Туристы приняли информацию к сведению и сказали, что у них есть игольники со снотворным, и им не впервой успокаивать диких зверей.

Вот так и посидели, поели-попили, нежась на солнышке и любуясь пейзажем. А потом туристы,

попросившись и пожелав экспедиции успехов, забрались в свой мобиль. И тот удалился в сторону побережья, причем птицевзверь знать о себе не дал — сидел в гнезде или норе и клюва из чащи не показывал.

Потихоньку вечерело, после плотного то ли обеда, то ли ужина танкистов клонило в сон, и так приятно было лежать-полеживать у догорающего костра и ничего не делать. Но этого ни Дарий, ни Тангейзер, конечно же, просто не могли себе позволить — все-таки не в отпуске находились и не у тещи на блинах. И зарплата им шла, и командировочные... Поэтому Силва приказал танку послать в Долину могил воздушные разведустройства. Пусть там полетают, определяют границы территории, которую предстоит изучать, посканируют местность на предмет определения подземных пустот, пофотографируют развалины. Собственно, чтобы сделать все эти дела, достаточно было послать сюда только танк — без экипажа. Но так уж повелось, что для подобных мероприятий предпочитали использовать связку «сапиенс — машина». А точнее, «машина — сапиенс». На всякий случай...

Так что Дарий и Тангейзер, даже лежа у костра, могли считать себя участниками воздушной разведки — ведь команду ее провести дал Силва, а Диони не возражал.

Вот таким образом они и работали, подбрасывая сучья в костер, пока не начало серьезно темнеть. Легкий ужин состоялся уже на кухне танка, а потом танкисты просмотрели фотографии, сделанные разведчиками, определились, откуда начнут завтра знакомство с Долиной могил, и с легким сердцем отошли ко сну. Так и не сообразив, что не с туристами они здесь общались, а с «черными археологами». Ну не было ни у Дария, ни у Тангейзера опыта в таких делах.

А группа Урбанта расположилась на морском берегу, намереваясь дожидаться того момента, когда неожиданные конкуренты закончат работу и покинут полуостров. Отступить Юрри Урбант не собирался — он знал, что пройдет немало времени, прежде чем сюда, после этой пары, прибудет экспедиция Управления археологии и начнет копать в древних могилах. И рассчитывал пожить тут до ее появления.

...С утра Дарию и Тангейзеру пришлось потрудиться, расчищая место для посадки на территории древнего памятника. Точнее, трудились автоматические пилы, валя деревья, но экипаж в это время все-таки тоже не спал, а пил кофе. Управившись с работой, супертанк опустился среди спиленной растительности. Танкисты вооружились парализаторами, взяли видеокамеры и выбрались из него. Жужжание пил и треск ветвей сменились

тишиной — глубокой, безбрежной, унылой и чуть тревожной, какая бывает на кладбищах. С одной стороны от бронехода возвышался метров на пять кусок покрытой бурым мхом каменной стены с изломанным, раскрошившимся верхним краем. С другой — вздымался восьмиметровый обломок колонны из черного мрамора. Чуть дальше угадывались за деревьями очертания невысокой пирамиды. То тут, то там торчали из земли углы каменных плит, виднелись под кустами фрагменты изваяний — часть головы без отбитого носа, огромная рука с двумя уцелевшими пальцами, женская грудь с длинным соском... В утолщенное основание колонны упирался кусок такого же черного мраморного барельефа, на котором можно было разглядеть что-то похожее на фигуры животных. В общем, разных обломков вокруг хватало, и грядущей экспедиции не грозило сидеть без дела. Да и танкистам не приходилось надеяться на легкую жизнь — подлесок был достаточно густым, тропинки в нем отсутствовали, и Дарию с Тангейзером предстояло приложить немало усилий для того, чтобы обойти с видеокамерами всю эту территорию в несколько квадратных километров. Пожалуй, только сейчас танкисты поняли, что задание им дали гораздо более трудоемкое, чем казалось поначалу. Правда, в их распоряжении был танк и воздушные разведчики, но тем не менее...

При виде всех этих остатков седой старины у Дария возникло то же чувство, которое не так давно, на планете Можай, охватило его, когда на экране танка появились непонятные валы. Что-то чуждое... Загадочное... Хотя в данном случае говорить о каких-то загадках вряд ли было уместно — в этой долине находились вполне обычные древние гробницы. Но странное чувство не покидало Силву.

— Ну и дебри... — озадаченно произнес Тангейзер, осматриваясь и почесывая в затылке. — А о коэффициенте сложности наши археологические арендаторы не забудут при оплате?

Дарий фыркнул.

— Да ты еще и пальцем не пошевелил, а уже о коэффициенте забеспокоился! И вообще, кормят-поят за казенный счет, за жилье тоже платить не надо, на пиво и лупанарий хватает — так чего же тебе еще?

— Не лупанарием единым жив человек, — назидательно произнес Тангейзер. — И жить нужно не только сегодняшним днем. О будущем думать надо, о семье...

Силва поднял брови.

— Вот как ты заговорил? Мда-а...
Чувствуется влияние Ули.

— И никакого не влияние! — вскинулся

Диони. — У меня, между прочим, и своя голова на плечах есть.

— Наличие головы на плечах не означает обязательного присутствия интеллекта, — подал голос Спиноза, не забывший вчерашнюю словесную стычку с постлейтенантом. — Равно как и наличие интеллекта не означает обязательного присутствия головы на плечах.

Танк явно имел в виду себя.

Тангейзер, побагровев, начал поворачиваться к нему, но Дарий нахмурился и скомандовал:

— Отставить разговоры! Приступаем к работе, а о коэффициенте я нанимателям напомним по возвращении, так что не волнуйся, Тан. Давай, шагай в свой квадрат, а я — в свой. А ты, Бенедикт, запусти парочку разведчиков, чтобы нами тут никто не вздумал подкрепиться.

— Разведчики уже висят, Дар, — отрапортовал Спиноза.

— Отлично. Тогда за работу!

Силва шагнул вперед, а второй шаг сделать не успел, потому что в ближайших кустах послышался какой-то шорох. Шорох сменился звуками, похожими на рокот прогреваемого двигателя танка серии «Трицератопс», и Дарий быстро отцепил от бедра парализатор. То же самое немедленно проделал и Тангейзер. Через мгновение к рокоту добавился треск кустарника — и на вырубку

выбрался серо-бурый пятнистый лохматый зверь с застрявшими в шерсти сухими травинками. Хоть и стоял он на четырех лапах, но ростом в холке превосходил и Дария, и Тангейзера, и вид у него, несмотря на улыбку, был весьма сердитый. Впрочем, зверь вряд ли улыбался — просто демонстрировал впечатляющий оскал. Больше всего он походил на помесь земного медведя с бабатуринским бреком, только зубы у него были покрупней. Увидев замерших людей и розовую боевую машину, медведебрек зарокотал еще громче и принялся с ожесточением рвать землю длинными когтями передних лап. Дарий вскинул парализатор, хотя и сомневался, что тот поможет — уж больно несокрушимым выглядел зверь. Но пускать оружие в ход не спешил. Медлил и Тангейзер, не желая, видимо, опережать командира.

А Спиноза медлить не стал. Пока медведебрек, наращивая рокот, продолжал разминаться перед атакой, возле него оказался нырнувший со своего поста над лесом темно-серый диск воздушного разведчика. Подчиняясь неслышной команде Спинозы, диск ткнулся ребром прямо во влажный широкий нос зверя — и тут же отскочил. Рокот стал недоуменным, медведебрек перестал терзать почву — и получил шлепок по загривку. А через мгновение у танкистов заложило

уши от рева, который был слышен, наверное, и у самого моря. Зверь присел на задние лапы, стремительно воздвигнулся во весь рост и замотал кудлатой головищей, разыскивая взглядом нахала. И пропустил новый удар по носу. Легкий по силе, но тяжелый в плане воздействия на самолюбие. Теперь медведебрека не интересовало ничего, кроме этого странного назойливого жука, продолжающего наскоки. И когда разведчик полетел прочь от вырубki, зверь бросился за ним, то и дело оглашая лес возмущенным ревом.

— Здорово придумал, Бенедикт! — одобрительно сказал Дарий. — Пусть побегает немного, это дело полезное.

— Непуганый экземпляр, — с видом знатока заявил Тангейзер. — Другие бы от шума нашего лесоповала убежали куда подальше, а этот, наоборот, сюда приперся.

— Не приперся, — возразил Спиноза. — Он вылез из дыры в земле. Судя по результатам вчерашнего сканирования, там находится обширная полость. Видимо, зверь крепко спал, а разбудили его не пила и не треск, а наши разговоры. Иначе почему он только сейчас появился?

Дарий опустил парализатор и высказал свое мнение:

— А я думаю, что проснулся он давно, только боялся нос высовывать, пока тут деревья рушились.

Подождал, разобрался что к чему, и осмелел. А ну-ка, пойдём, посмотрим, что это за дыра такая. Может, оттуда и начнём.

— Если там нет родичей этого косматого типа, — с опаской произнес Тангейзер.

— Тогда получится немного поадреналинить, — усмехнулся Дарий и направился к кустам, перешагивая через поваленные стволы.

Тангейзер, немного помявшись, последовал за ним. Он явно что-то хотел сказать командиру — вероятно, насчёт нецелесообразности риска, — но не успел. Силва и сам это понимал и, остановившись у кустов, приказал танку:

— Бенедикт, забрось-ка туда разведчика.

— Слушаюсь, Дар.

Второй темный диск, висевший над вырубкой, снизился и исчез за помятым местным зверем кустарником. Через несколько секунд танк доложил:

— Там никого нет, можете спускаться.

Силва развел руками ветки и шагнул вперед. Пробравшийся вслед за ним Тангейзер увидел, что командир стоит перед ведущими вниз каменными ступенями. Кое-где они потрескались, кое-где были расколоты, их углы поросли жестким на вид мхом, а из трещин пробивалась трава. Метрах в трех ниже уровня земли темнел вход в гробницу — если,

конечно, это была именно гробница. По обеим сторонам проема возвышались две побитые временем серые колонны. Они были испещрены всякими значками, похожими на те, что показывают в фильмах о Древнем Египте. Такие же иероглифы виднелись на покрытом какими-то белыми потеками боку горизонтальной каменной плиты, которую поддерживали колонны. Возможно, были здесь когда-то и двери, но от них не осталось и следа.

— По склепам, однако, мне лазить еще не приходилось, — пробормотал Дарий, вытаскивая из набедренного кармана фонарь.

Один за другим танкисты спустились по ступеням, и Дарий направил луч фонаря на каменный пол, усеянный сухой травой. Такой же, как та, что торчала из шерсти неопрятного медведебрека. Кстати, его рева уже не было слышно — вероятно, он совсем запыхался, гоняясь за юрким разведывательным устройством. Постлейтенант остановился рядом с командиром, и два фонаря зашарили по подземному залу.

— Похоже, здесь побывали еще до нас, — разочарованно произнес Тангейзер, взглядываясь в полумрак прямоугольного пустого помещения. Вход располагался в одной из его поперечных стен.

— А что ты хотел тут увидеть? Мумию в золотых доспехах в алмазном гробу, а вокруг

россыпи всяких драгоценностей? — Дарий пошел в левую сторону от проема, вдоль стены, продолжая водить фонарем туда-сюда. — Понятное дело, что все давно отсюда вынесли. Гробница ведь не какая-нибудь засекреченная, заходи да бери. А желающих всегда и везде хватало. Наверное, они и уперли входные двери.

Он дошел до угла и повернул направо. Тангейзер уже был у противоположной продольной стены, и теперь танкисты двигались параллельными курсами вглубь зала.

Да, тут было удручающе пусто. Ни утвари, какой в разных культурах снабжают покойников для беспроблемного посмертного существования, ни пьедесталов под саркофаги, ни самих саркофагов... Правда, могилы могли находиться где-то ниже уровня пола, под его плитами.

Не принято покой
усопших нарушать,
Но есть и те, кому на
это наплевать.

Голос Спинозы раздавался из зависшего под потолком диска воздушного разведчика, незаметного в сумраке.

— Ты прав, Бенедикт, грабители вопросами морали не заморачиваются, — рассеянно сказал

Дарий, разглядывая скульптурное изображение на стене. Это был горельеф — фигуры более чем на половину своего объема выступали из плоскости. — Посканируй пол. Может, под ним что-то есть.

Командир переложил фонарь в левую руку, а правой извлек из нагрудного кармана видеокамеру величиной с зажигалку. Горельеф, пожалуй, заслуживал того, чтобы попасть в изобразительный ряд отчета о поездке. Он тянулся метрах в двух над полом и представлял собой отнюдь не набор случайных фигур — там были изображены сценки из жизни древних ксифов. Возня детишек с какими-то домашними животными... Охота на дикого зверя... А чуть дальше — празднество с прыжками через костер... Возложение даров к возвышающейся на постаменте статуе... медведебрека! И вновь какой-то праздник... Или совсем не праздник? Дарий сделал шаг назад, чтобы охватить взглядом всю композицию. Два скопления фигур друг напротив друга. Одна — в странных масках, с бутылкообразными сосудами, палками и флагами в поднятых руках. Другая — с ростовыми щитами. А над головами у тех, кто в масках, висит кольцо из пятиконечных звездочек...

— Под полом никаких пустот нет, — сообщил разведчик голосом Спинозы.

— Понятно, — все так же отстраненно

произнес Дарий, продолжая вести видеосъемку.

Еще один медведебрек — теперь уже не в виде статуи, а как бы живой. Зверь наступил огромной лапой на грудь поверженной женщине с уложенными кольцом волосами... Здоровенный заплывший жиром мужик с обрюзгшим лицом что-то пьет из ведрообразной чаши...

— Карабарас! — воскликнул Тангейзер у противоположной стены. — Дар, ты только посмотри!

Силва обернулся. Постлейтенант уже добрался до дальнего угла и стоял там, светя фонарем на стену. На ней тоже было что-то изображено.

— Что, эротическая сцена? — осведомился Дарий, наискосок шагая через зал.

— Ну, если считать эту штуковину... э-э... причиндалом... Карабарас, я просто глазам своим не верю!

Заинтригованный Силва ускорил шаг, приблизился к Тангейзеру и добавил свет своего фонаря к свету фонаря постлейтенанта.

— Стрелять-попадать... — только и смог произнести он.

На стене была изображена батальная сцена. Причем не в виде горельефа, а виде картины, выбитой в камне. И под этой картиной возвышались приличные кучи экскрементов — как

сухих, так и достаточно свежих. Несомненно, медведебрек использовал это место в качестве туалета. Кучи попахивали, но танкисты этого не замечали, уставясь на картину. На ней длинноволосые бородачи ксифы бились топорами и короткими мечами с бритоголовыми вислоусыми воинами, явно чужаками, орудовавшими кривыми саблями и копьями. Оба войска сражались верхом. Ксифы — на низкорослых короткохвостых животных, похожих на земных лошадей, а их противники — на рогатых, с длинной темной шерстью. Поле боя было усеяно телами убитых и раненых и обломками оружия. На заднем плане виднелись холмы, утыканные деревьями, а вверху раскинул вокруг себя черточки лучей кружок солнца.

Но отнюдь не все это ввергло танкистов в ступор. Неведомый мастер изобразил на каменной картине и кое-что еще. А именно — летящий от холмов к полю боя объект, своими очертаниями весьма похожий на супертанк серии «Мамонт».

— Карабарас! — в третий раз произнес свое любимое словечко Тангейзер. — Откуда в те времена могли взяться танки? Там же вроде первобытный строй...

Даже если бы Дарий знал, что ответить на вопрос постлейтенанта, он просто не успел бы это сделать. В какой-то неуловимый миг и картина, и

стена, да и сам подземный зал пропали, сменившись серой пустотой. Пол под ногами танкистов тоже исчез, и у них возникло неприятное ощущение стремительного падения в бездну...

Глава 2. Метод Урфа Урдорфа

И нет нам покоя,
Гори, но живи!
Погоня, погоня,
Погоня, погоня
В горячей крови...

**Из песни Темных
веков.**

— Еще по чуть-чуть, Шерлок? — в очередной раз предложил Макнери, щурясь от солнца.

И Тумберг в очередной раз ответил:

— Нет, Линс, мне достаточно. Я по такой жаре много не пью.

— Ну, тогда ваше здоровье, Шерлок!

И капитан лихо опрокинул в себя новый стаканчик ароматного коньяка «Арарат», традиционно сделав это так, что ни одна капля не угодила на его рыжую бороду. А значит, не пропала втуне.

Шерлок Тумберг лукавил — на самом деле, ему не было так уж жарко. Хотя время и шло к полудню, но летнее солнце чуть ли не каждые пять минут закрывали облака, и ветерок дул довольно прохладный. По серой воде озера бродили волны, кусты, обрамляющие берега, непрерывно шуршали, словно там кто-то переговаривался громким шепотом, а над горизонтом висели косые серые полосы проходящего стороной дождя. Утренняя рыбалка с лодки уже осталась в прошлом, улов был выпотрошен, почищен и дожидался обеденного времени, и заняться больше было нечем. Разве что собирать цветы на лугу или искать грибы в ближайшем леске, однако ни капитану, ни следователю такие занятия были не по нраву. Поэтому они сидели на траве неподалеку от палатки и потихоньку попивали коньяк. Точнее, теперь уже попивал один капитан. Вокруг не было ни души, только птицы летали над озерным краем, и даже не верилось, что всего в сорока минутах полета отсюда кишит народом шумный Туратрен.

Несмотря на не внушавшую доверия погоду, Шерлок Тумберг был вполне доволен окружающим — хотя имелись тут некоторые нюансы. Линс Макнери, судя по его виду, тоже был доволен. Разумеется, не последнюю роль тут играл и коньяк. Да и вообще, события последнего времени вызывали у них обоих положительные эмоции. В

большей степени у капитана дальноголета «Нэн Короткая Рубашка» (этот космический корабль был более известен как «Пузатик»), и в меньшей — у следователя Динтинского окружного управления полиции, расположенного на планете Селеби.

Отремонтированный на Можее дальнолет благополучно добрался до Лабей, и руководство Космофлота по заслугам оценило действия экипажа и лично капитана Макнери. Ведь эта команда сумела довести до Можая пострадавшее в космовороте судно с неисправными приборами, удачно посадить его и сберечь жизни пассажиров. Поощрение было не только моральным, но и материальным, и Макнери купался в лучах славы, участвуя в съемках фильма «Капитан не сдается» и чуть ли не каждый день давая интервью разным массмедиа. Однако кинозвезды из него не получилось — оказалось, что играть роль не такое уж простое занятие, и не каждому это дано. Да и сам процесс съемок, как открыл для себя капитан, был делом весьма трудоемким и нудным. Поэтому он сам предложил пригласить вместо него профессионального актера с подходящей внешностью и, облегченно вздохнув, отправился на озеро. Подальше от медиаров. Нет, общаться с ними было приятно, но всему же есть предел... «Пузатик» со сменным экипажем во главе с капитаном Зуро Инталько ушел в очередной рейс

через пол-Галактики, и Линс Макнери наслаждался заслуженным отдыхом.

У Шерлока Тумберга восемь недель, прошедших после его возвращения с Можая на родную Селеби, были заняты иными делами. Хотя ему и удалось разобраться с ограблением коллекционера Никла Цукана и изъять похищенное, но преступник, Станис Дасаль, до сих пор разгуливал на свободе, и этот факт занозой торчал в душе следователя. Зато радовало другое: Тумберг провел блестящее расследование в кондитерской корпорации «Окшенор», подтвердив свою высокую квалификацию, и начальник сектора Вентор Манжули без колебаний подписал заявление о предоставлении майору очередного планового отпуска. Проводить его дома, в Динтине, Шерлок не хотел — это подразумевало бы ежедневное общение с Мирилинтой, давно имевшей на него серьезные виды. А на то, чтобы выдерживать постоянную болтовню красивой блондинки, у него вряд ли хватило бы сил. И вообще, чем больше времени проходило с момента их знакомства, тем слабее у майора было желание жениться. И не только на Мирилинте, но и на ком-либо еще. В конце концов, в бытовом плане его вполне устраивала забота мамы, а что касается зова плоти... Тут можно было брать пример со своего великого тезки, сходством с которым — и

внешним, и профессиональным — Шерлок Тумберг очень гордился. Ну, а если уж совсем припрет, то лупанариев в портовом Динтине имелось предостаточно. Впрочем, эту сторону жизни Шерлок никогда не считал чем-то уж очень важным.

Да, проводить отпуск дома Тумберг не хотел, но и в какие-то экзотические путешествия его не тянуло. Тут-то он и вспомнил, что капитан Макнери приглашал его к себе, на Лабею, — порыбачить. Шерлок позвонил ветерану Космофлота, и оказалось, что тот уже на озерах и будет рад, если Тумберг к нему присоединится. Следовательно оставалось только заказать билет на ближайший межсистемник и отправиться в космопорт. Не в служебной бежевой форме, конечно, а в джинсах и первом подвернувшемся под руку в шкафу свитерке. Но сумку со всякой аппаратурой он с собой на всякий случай прихватил — такое уж у него было правило. Родителей он поставил в известность о своих планах, а вот Мирилинте, во избежание ненужных сцен, сказал, что отбывает в длительную командировку по обмену опытом. В компании Макнери Шерлок рассчитывал побыть денька три-четыре, а потом отправиться куда-нибудь еще. Например, вновь посетить дом-музей Шерлока Холмса на Земле...

И вот уже третий день следователь рыбачил

вместе с капитаном и слушал его рассказы о работе на космических трассах. Непривычно было видеть Макнери без синего капитанского кителя, в одних просторных зеленых шортах до колен. Временами, глядя на его высоченную мощную фигуру с удочкой в руках, Тумберг ловил себя на мысли о том, что гораздо проще представить этого мужчину где-нибудь в селении можайских роомохов, на поляне пиршеств, жующим жареную ногу бокра, чем отдающим приказы в рубке космического корабля. Ветеран Космофлота успел в очередной раз обновить свою печень, на которую выпадало немало нагрузок, и был, судя по всему, в отличной форме. Во всяком случае, выпивая по вечерам не меньше бутылки, рано утром он уже плюхался в воду и совершал километровый заплыв, распугивая ту самую рыбу, которую чуть позже намеревался ловить.

...Облака все бежали и бежали по небу, минуты одна за другой утекали в прошлое, и пора было заняться приготовлением ухи. Да не простой, и даже не тройной — капитан ежедневно потчевал Шерлока какой-то особой, пятерной ухой. Такого блюда Тумберг никогда не едал, и с удовольствием наворачивал по две тарелки кряду, сдабривая этот рыбный отвар непревзойденным капитанским коньяком. Дождь так и не добрался до местонахождения рыбаков, переместившись в иные

края, и после обеда капитан намеревался сплавить на лодке до протоки, чтобы показать Шерлоку колонию водяных грызунов — специалистов по возведению плотин из веток и стволов.

Прежде чем приступить к сотворению чудо-ухи, Макнери налил себе еще — правда, только на два пальца — и вопросительно посмотрел на Тумберга. Следователь вновь отрицательно покачал головой. Капитан глотать коньяк не торопился, а у Тумберга вдруг возникло ощущение чьего-то постороннего присутствия. Чутье это было профессиональным, как и умение чувствовать спиной чужой взгляд, но вокруг царило безлюдье. Может быть, кто-то скрывался в лесочке? Какой-то зверь?

— Вы знаете, Линс, мне кажется, что за нами кто-то наблюдает, — негромко сказал Тумберг, оглядевшись.

— Да кому тут за нами наблюдать? — усмехнулся Макнери, сделал маленький глоток и закатил глаза, причмокнув от удовольствия. — Это все от работы, Шерлок. Мне вот временами кажется, что я слышу, как тренькает приборная панель. Говорят, надо уметь полностью отрешаться от дел, но как такого добиться?

«Возможно, это действительно от работы, — подумал следователь, вновь обводя взглядом округу. — Мозги напрягаются, нервы

расшатываются... Да, отпуск случился очень кстати. Нужно расслабиться...»

Он, стараясь не обращать внимания на неприятное ощущение, лег на спину, раскинул руки и уставился в небо.

— Вот, очень правильно, — одобрительно кивнул Макнери и опять лизнул коньяк. — Релаксация — это именно то, чего нам не хватает. Когда вы в последний раз так лежали, глядя на небеса?

— Даже и не помню, — подумав, ответил Шерлок.

— То-то и оно, — наставительно сказал капитан. — Я привык наблюдать небо снаружи, из космоса, а ведь как замечательно созерцать его над головой! Хотя... — Он задумался, а потом проникновенно продолжил: — Вы знаете, Шерлок, вот ведь странно — в космосе я чувствую себя лучше, чем дома и вообще на поверхности. Словно мои предки были какими-то межзвездными существами... Ну, то есть космическое пространство было их средой обитания.

Тумберг покосился на него.

— Бросьте, Линс. Вот если бы в космическом пространстве вы чувствовали себя хорошо за бортом вашего дальнолета, в голом виде, тогда можно было бы рассматривать версию о предках из вакуума. Во всяком случае, держать ее в уме. А так

условия на корабле у вас вполне комфортные, коньяк есть, а жены, которая может помешать вам его пить, рядом нет. На своем «Пузатике» вы царь и бог, вот потому и нравится вам бывать в рейсах. И никаких межзвездных предков.

— Шерлок, ну зачем вы так прозаично? — в голосе капитана Макнери звучал укор. — Все по каким-то банальным полочкам разложили... Никакой, понимаешь, лирики.

Тумберг уголками рта обозначил улыбку.

— Работа у меня такая, Линс. Иногда целые философские монологи приходится выслушивать от задержанных. Такую базу подводят под заурядную кражу, что будь я подоверчивей — проникся бы, зауважал и отпустил на все четыре стороны.

— Значит, не верите в души прекрасные порывы?

— Почему же — верю. Только если они не соседствуют с криминалом. И против лирики ничего не имею. Но — вне пределов моей профессиональной деятельности. Вот сейчас, например, настроение у меня вполне лиричное. Лежу, смотрю задумчиво в небо широкое...

Макнери поднял голову вверх, прищурился от выскользнувшего из-за облаков солнца.

— Я бы тоже полежал, да нужно заняться ухой.

Он допил коньяк, покрутил в пальцах

стаканчик и устремил долгий взгляд на пустую уже бутылку.

— Уха может и подождать, — лениво и не сразу произнес Тумберг.

Ему казалось, что тело его становится невесомым и поднимается ввысь, как пушинка, подхваченная ветром. И это было здорово — витать над землей, отстранившись от всего, покусывая травинку и вдыхая луговые ароматы... Ощущение чужого присутствия забило куда-то в угол под натиском охватившей следователя отрешенности и притихло там.

Макнери тоже улегся рядом, но минут через пять поднялся на ноги и заявил:

— Нет, по-моему, релаксировать все-таки лучше с коньячком.

Он направился к палатке и скрылся в ней. Некоторое время все было тихо, а потом оттуда донеслась такая ругань, что блаженство Тумберга мгновенно испарилось. Он сел и, полуобернувшись к палатке, крикнул:

— Что случилось?!

Ответом была еще одна порция ругани. И еще одна... И еще... Наконец Макнери вышел из палатки и зашагал к следователю. И вид у него был такой, что Тумберг тут же вскочил на ноги.

— Что стряслось, Линс?!

Возможно, именно так выглядел бы капитан

Макнери, если бы «Пузатик» напоролся на астероид. Волосы его вздыбились, глаза вылезли чуть ли не на лоб, а украшенная бородой нижняя челюсть тряслась, словно к ней приставили электрошокер.

— К-коньяк... — едва выговорил Макнери, беспомощно сжимая и разжимая огромные кулаки.

— Что — «коньяк»? — не понял Тумберг и посмотрел на лежащую на земле пустую бутылку. — Вам плохо от коньяка?

— Мне плохо БЕЗ коньяка! — рявкнул Макнери и скрежетнул зубами. — Коньяк пропал!

— Как пропал? — вновь не въехал Шерлок. — Прокис, что ли?

Космический волк досадливо поморщился, набрал в грудь воздуха и разразился длинной фразой. Она была не на росиане, но следователь догадался, что это какое-то страшное ругательство, рядом с которым меркли все, извергнутые капитаном ранее.

— Линс, успокойтесь, — мягко сказал следователь. — И объясните толком, что случилось.

Макнери сделал несколько глубоких вдохов, обхватил ладонью бороду и с силой дернул. И заговорил почти спокойно:

— Как вы, наверное, заметили, Шерлок, я взял сюда коньяк. Две коробки. Одна уже опустела, а вторая еще не начата. И стоит там, — он махнул